

УДК 347.62

ИНТЕРЕС КАК ПРЕДПОСЫЛКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФИКТИВНЫХ СЕМЕЙНЫХ СОСТОЯНИЙ

О. Н. Замрий

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Анализируются некоторые фиктивные и фактические семейные отношения с точки зрения соответствия целям семейно-правового регулирования. Злоупотребление интересом рассматривается как предпосылка совершения отдельных фиктивных семейно-правовых актов. Формулируется и обосновывается вывод о значении интереса участников семейных отношений в выборе фактической и фиктивной формы взаимоотношений и перспективы правового регулирования.

Ключевые слова: *семейное право; интерес; злоупотребление интересом.*

Семья, как правило, ассоциируется с отношениями, основанными на кровном родстве, усыновлении, заключении брака, нередко как семейные воспринимаются отношения по временному воспитанию детей, оставшихся без попечения родителей (опека и попечительство, приемная семья). В любом случае между членами семьи (участниками семейных правоотношений) складываются отношения личного содержания, базирующиеся на чувствах любви и доверия. Заметим, что среди основных начал семейного законодательства именно любовь и уважение законодатель обозначает в числе первых. В соответствии с п.1 ст.1 Семейного кодекса Российской Федерации¹ (далее – СК РФ): «Семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов...».

Фидуциарный (доверительный) характер семейных отношений обусловлен совпадением частных интересов соответствующих субъектов семейных отношений и, как следствие, семейных правоотношений². Как правило, в брак вступают мужчина и женщина, которые любят друг друга; отношения между родителями и детьми строятся на любви и уважении к межпоколенным связям и т. п.

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

² См., например: Ильина О.Ю. Актуальные предпосылки возобновления дискуссии о понятии и признаках семьи как правового института // Евраз. юр. журн. 2009. № 11. С. 77 - 81.

Достаточно широкое распространение в настоящее время получили различные формы совместного проживания мужчины и женщины, позиционирующих себя супругами, но при этом их союз не является браком с точки зрения соблюдения условий, препятствий и процедуры его заключения. Параллельно с этим явлением существует и иное явление, характеризующее противоположным соотношением формы и содержания: внешне демонстрируется семейное правоотношение, однако его участники (все или некоторые) имеют фиктивные намерения, направленность их интересов обусловлена совершенно иными целями, нежели создание и укрепление семьи.

Таким образом, в современной действительности в рамках семейных отношений возможны фактические и фиктивные состояния, признание и регулирование которых осуществляется в особых правовых условиях и специальными правовыми средствами. Учитывая, что содержание указанных состояний определяется интересами участников, но противоречит целям семейно-правового регулирования, полагаем, есть основания предположить наличие злоупотребления интересом при совершении соответствующих семейно-правовых актов.

Теория и практика семейного права оперируют понятием «фиктивные семейные состояния»³. Как полагает Н.Н. Тарусина, «фиктивным является такое действие или отношение, которое внешне – по правовой форме – отвечает требованиям закона, а по цели и содержанию не соответствует ему, вплоть до противоположности»⁴. Кроме того, данный автор утверждает: «Фиктивность есть безусловно негативное явление – правонарушение или аморальный поступок (если государственной реакции не предусмотрено, а применение санкций по аналогии невозможно)»⁵.

Отметим, что в современной науке семейного права теория фиктивных явлений (сделок, договоров, состояний и др.) более полно представлена в трудах Н.Н. Тарусиной. К семейно-правовым фиктивным актам указанный автор относит фиктивное заявление о вступлении в брак; фиктивный брак; фиктивный развод; фиктивный раздел имущества; фиктивный брачный договор; фиктивное усыновление; фиктивное взыскание алиментов; фиктивное признание

³ См., например: Филимонова И.В. Фиктивный брак как разновидность фиктивного семейно-правового состояния: проблемы законодательного регулирования // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 3 (43). С. 84 – 91; Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. Фиктивность в семейно-правовой сфере: продолжение следует // Социально-юридическая тетрадь. 2015. № 5. С. 45 - 65 и др.

⁴ Тарусина Н.Н. Семейное право : Очерки из классики и модерна: монография. Ярославль: ЯрГУ, 2009. С. 410.

⁵ Там же.

отцовства; фиктивная опека; фиктивное приемное родительство; фиктивный патронат и т. п. Еще в советский период Н.Н. Тарусина предлагала оценивать фиктивное семейно-правовое состояние как «результат незаконного приема, использованного недобросовестной стороной (сторонами). Этот прием заключается в осуществлении предоставленных законом правомочий в целях, явно не соответствующих их содержанию и социальному назначению (создание семьи, воспитание ребенка, уравнивание материального положения детей, прекращение супружеских отношений ввиду их необратимого распада)»⁶.

Следуя такому подходу, практически любое действие или бездействие, совершаемое гражданами с целью создания или изменения, прекращения уже существующего семейного правоотношения, может быть признано при определенных условиях фиктивным.

Как известно, единственная норма, предусматривающая ответственность за создание фиктивного по сути правоотношения, содержится в п. 1 ст. 27 СК РФ – признание брака недействительным. Основанием же для применения соответствующей санкции является заключение фиктивного брака, т.е. если супруги или один из них зарегистрировали брак без цели создания семьи.

В данном случае создание семьи обозначено государством как цель заключения брака, что предполагает совершение лицами, вступающими в брак, определенных действий при наличии интереса именно в создании семьи. В рамках настоящей статьи не предполагаются суждения о составе семейного правонарушения, о степени участия в его совершении каждого из супругов (напомним, что фиктивные намерения могут иметь как оба супруга, так и лишь один из них) и по иным вопросам недействительности фиктивного брака.

Обратимся к проблеме выявления и, если можно так сказать, визуализации интереса каждого из супругов в заключении брака (рассмотрим ситуацию, когда они оба знали о том, что брак заключается без цели создания семьи). Как свидетельствуют материалы судебной практики по делам о недействительности фиктивных браков, каждый из супругов имеет собственный интерес. Например, один из супругов приобретает основания для последующего получения гражданства РФ по упрощенной процедуре, другой супруг заинтересован в получении соответствующего материального вознаграждения.

⁶ Тарусина Н.Н. О фиктивных семейно-правовых основаниях // Правоведение. 1983. № 2. С. 84.

Однако с точки зрения закона наличие и реализация обозначенных интересов противоречит публичному интересу, согласно которому брак должен заключаться исключительно с целью создания семьи.

Заметим, что в качестве аргументов, подтверждающих отсутствие у супругов интереса в создании семьи, в судебном заседании отмечается раздельное проживание супругов после заключения брака⁷. Но ведь супруги и не обязаны проживать совместно, каждый из них имеет право выбора места жительства и места пребывания (п. 1 ст. 2 СК РФ).

Признавая фиктивный брак семейным правонарушением, государство допускает возможность «трансформации» интересов супругов: суд не может признать брак фиктивным, если лица, зарегистрировавшие такой брак, до рассмотрения дела судом фактически создали семью. Доступные материалы судебной практики не содержат подобных примеров, что в очередной раз подтверждает приоритет публичного интереса в установлении «формата» супружеской жизни.

Согласимся с О.Ю. Ильиной в том, что «заключение фиктивного брака ... затрагивает интересы государства в позитивном развитии, сохранении и упрочении института семьи, в обеспечении правопорядка»⁸.

И.В. Филимонова обращает внимание еще на одну норму: «Добросовестный супруг вправе при признании брака недействительным сохранить фамилию, избранную им при государственной регистрации заключения брака» (п. 5 ст. 30 СК РФ). Данная норма, полагает указанный автор, содержит «скрытую (латентную) фикцию: брака юридически не существовало, а добросовестный супруг может сохранить фамилию недобросовестного супруга»⁹.

Представляется, что фиктивный брак может быть охарактеризован с точки зрения порочности интереса лиц, его заключающих. Наличие иного интереса (интересов), кроме достижения цели – создание семьи, является препятствием и, в то же время, признаком фиктивности возникшего семейного правоотношения. При наличии внешнего признака брака – государственной регистрации, свидетельствующего о

⁷ См., например: Апелляционное определение Рязанского областного суда от 29 января 2014 г. № 33-197; Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 21 августа 2014 г. и др URL: www.pravo.ru.

⁸ Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец. 2007. С. 8.

⁹ Филимонова И.А. Фиктивный брак как разновидность фиктивного семейно-правового состояния: проблемы законодательного регулирования // Современное научные исследования и инновации. 2014. № 3 (43). С. 84 - 91.

соблюдении формы брака (п.2 ст.1 СК РФ), внутреннее содержание не соответствует публичному интересу.

Настолько же категорична позиция государства и в противоположной ситуации, когда мужчина и женщина заинтересованы в совместном проживании, ведении общего хозяйства и фактическом создании семьи, но по тем или иным причинам не регистрируют свой союз. Так называемые фактические брачные отношения не порождают последствий брака, заключение которого зарегистрировано в установленном законом порядке.

В подобной ситуации, наоборот, форма союза является порочной, поскольку он не зарегистрирован, в то время как содержание составляют отношения, аналогичные супружеским и явно свидетельствующие о взаимном интересе в создании отношений, аналогичных семейным. Например, если один из квазисупругов является государственным или муниципальным служащим, фактические брачные отношения позволяют не декларировать доходы другого квазисупруга.

Достаточно убедительны результаты проведенных социологических опросов, проанализированные психологами. Так, в фактических брачных отношениях (социологи и психологи называют это гражданским браком) наблюдается преобладание ориентации супругов на личную свободу, независимость, автономность, открытость и эмоциональную нестабильность, тогда как в законном браке партнеры больше сосредоточены на стабильности отношений. Кроме того, в гражданском браке партнеры заинтересованы в более тесных эмоциональных контактах и психологической поддержке друг друга. «Характер межличностных отношений в фактической супружеской паре отражает высокий уровень значимости интимно-сексуальной сферы, а у супругов, находящихся в официальном браке, в сравнении с парами, состоящими в фактическом браке, на более высоком уровне диагностирована установка на личностную идентификацию с партнером. ... Полученные данные позволяют полагать, что на предпочтение фактического брака перед официальным влияют такие психологические особенности личности, как высокий уровень значимости интимно-сексуальной сферы и предпочтение оставаться более независимыми и автономными по отношению к партнеру»¹⁰.

Таким образом, исключительно частные интересы каждого из партнеров определяют перспективу создания ими семьи, при этом различные формы злоупотребления каждым из них своими интересами,

¹⁰ Яковлев В.А., Елшанский С.П. Некоторые личностные особенности супругов, находящихся в фактическом и официально зарегистрированном браках // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 2 - 4 (46). С. 152 – 156.

приоритет сугубо личных интересов выступают препятствиями для формализации соответствующего союза. Представления каждого из партнеров о браке и семье фиктивны, не соответствуют образу и формам воплощения публичного интереса.

Следует заметить, что позиция всех ученых, исследующих вопросы правового регулирования фактических брачных отношений, однозначна с точки зрения защиты прав участников данных отношений. Различия существуют лишь в вопросах перспективы правовой регламентации – признавать или же не признавать фактические брачные отношения, в полном объеме или частично распространить на эти отношения режим брака¹¹.

Представляется, указанные и иные исследователи оставляют за пределами внимания один аспект – фактические брачные отношения также являются фиктивными семейными отношениями. И ключевым признаком, который позволяет их таким образом квалифицировать, по нашему мнению, является отсутствие у квазисупругов интереса в создании той модели семьи, которая соответствует публичному интересу, традиционным ценностям и культурным устоям.

Содержание частных интересов мужчины и женщины, таким образом, и при фиктивном, и при фактическом браке противоречит публичному интересу и, как следствие, исключает возникновение соответствующих правоотношений.

На наш взгляд, фиктивный и фактический брак характеризуются тем, что мужчина и женщина злоупотребляют именно интересами. О злоупотреблении правом речь идти не может, поскольку субъективные семейные права не возникают. Так, фиктивный брак предполагает аннулирование всех правовых последствий и признается недействительным со дня его заключения (п. 4 ст. 27 СК РФ). Фактический же брак вообще изначально не порождает соответствующих последствий.

О злоупотреблении именно интересом, а не правом, по нашему мнению, позволяют также утверждать и некоторые исключения из общего правила, установленного в ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации¹² (далее – ГК РФ). Напомним, согласно ст. 5 СК

¹¹ См., например: Морозова О.А. Правовые проблемы фактических брачных отношений в России // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 56. С. 54 – 59.; Романова Н.А. Фактический брак: юридическая сторона вопроса // Мир науки. 2014. Выпуск 2 С. 17.; Шипика Л.В. Фактические брачно-семейные отношения: имущественные плюсы и минусы // Актуальные вопросы современной науки. 2014. № 1. С. 215 – 220 и др.

¹² Гражданский кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015 г.) // Рос. газ. № 17. 1996. 27 янв.

РФ возможно применение к семейным отношениям гражданского законодательства по аналогии, что представляется вполне уместным при определении понятия злоупотребления правом. В соответствии с п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Поскольку фиктивные и фактические отношения не влекут, по общему правилу, возникновение семейных прав, то и злоупотребление правом невозможно. Но злоупотребление интересом с целью приобретения соответствующих прав и обязанностей вполне возможно.

Кроме того, интерес субъектов в совершении фиктивных семейно-правовых актов не связан исключительно с намерением причинить вред другому лицу. Сложно утверждать и о совершении действия в обход закона с противоправной целью, аналогично неприемлемо и обвинение в заведомо недобросовестном осуществлении семейных прав.

Таким образом, выбирая соответствующие модели семейных отношений, участники руководствуются исключительно личными потребностями и, злоупотребляя своими интересами, создают фактический или фиктивный союз. Рассматривая названные отношения с позиции соотношения частных и публичных интересов, полагаем возможным заявить о наличии в них общего признака – фиктивности цели в создании семейных отношений, регулируемых законом и составляющих предмет семейно-правового регулирования.

Представляется значимым и то обстоятельство, что государство все-таки признает в некоторой степени исследуемый формат взаимоотношений мужчины и женщины, но исходя из интересов несовершеннолетних детей.

В частности, в ст. 53 СК РФ предусматривается, что при установлении отцовства в установленном законом порядке дети, родившиеся вне брака, имеют такие же права и обязанности по отношению к родителям и их родственникам, какие имеют дети, родившиеся от лиц, состоящих в браке между собой.

Таким образом, приоритет интересов ребенка обуславливает отступление от императива, а именно – государство частично регулирует отношения между лицами, не состоящими в браке между собой.

Другой пример, который также свидетельствует об исключении из правил. Так, согласно п. 4 ст. 38 СК РФ суд может признать имущество, нажитое каждым из супругов в период их раздельного проживания при прекращении семейных отношений, собственностью каждого из них.

Временное прекращение семейных отношений, а потом их возобновление после длительного раздельного проживания, как полагает И.Р. Альбиков, создает режим раздельной собственности супругов на имущество, нажитое в такой период¹³.

Заинтересованность супругов в прекращении брака и фактическое раздельное их проживание дает основания распространить на имущественные отношения соответствующего периода режим раздельной собственности, т.е. формально (в судебном решении) констатируется отсутствие брака.

Кстати, распространенная в настоящее время тенденция по увеличению количества одиноких матерей также, на наш взгляд, объяснима проявлением интереса в получении дополнительных мер государственной поддержки и различных льгот, предоставляемых одиноким мамам. Значительное число названных женщин состоят в фактических брачных отношениях при полном внешнем соответствии их семейным отношениям: мужчина и женщина проживают совместно, ведут общее хозяйство, воспитывают ребенка, позиционируя себя тем самым как семью.

Однако подобное поведение свидетельствует о злоупотреблении частными интересами, о желании приобретения дополнительных материальных благ или, наоборот, освобождении от каких-либо обременений.

Очевидно, фактические брачные отношения не могут именоваться таким образом, потому что «по факту» они порочны и не отвечают признакам традиционной семьи. Несмотря на существующие социальные потребности и попытки их реализации, государство по-прежнему предъявляет определенные требования к форме существования и взаимоотношений участников такой социальной группы, как семья. В равной степени указанные требования распространяются и на брак, т.е. союз, заключаемый с целью создания семьи.

Как было отмечено выше, приведенный Н.Н. Тарусиной перечень фиктивных семейно-правовых актов не может быть объективно признан исчерпывающим.

Предлагаем дополнить его фиктивными семейно-правовыми актами, которые в соответствии с законом порождают семейные правоотношения.

Так, например, согласно п. 2 ст. 52 СК РФ требование лица, записанного отцом ребенка на основании п. 2 ст. 51 настоящего

¹³ Альбиков И.Р. Общие положения правового регулирования совместной собственности супругов // Семейное и жилищное право. 2012. № 3. С. 3.

Кодекса, об оспаривании отцовства не может быть удовлетворено, если в момент записи этому лицу было известно, что оно фактически не является отцом ребенка. Конструкция соответствующего семейного правоотношения содержит интерес мужчины в установлении правоотношения с ребенком при отсутствии между ними кровного родства. Но этот частный интерес, имея, образно говоря, фиктивное основание и благородное обоснование, может быть воплощен лишь единожды и навсегда. Таким образом, изначально фиктивное состояние посредством реализации мужчиной своего интереса приобретает правовое значение, заранее «обреченное» на постоянство.

Аналогична позиция законодателя и в отношении супругов, которые в письменной форме дали согласие на применение методов искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, а также суррогатной матери. Названные лица не вправе при оспаривании отцовства (или и материнства, если речь идет о суррогатной матери) ссылаться на соответствующие обстоятельства (п. 3 ст. 52 СК РФ). Заметим, на любые другие обстоятельства ссылаться можно, но на изначально фиктивность кровного происхождения ребенка от родителей (одного из них) не допускается.

По мнению Н.Н. Тарусиной и О.И. Сочневой, законодатель должен отреагировать на существующие фиктивные семейно-правовые состояния. «В Общей части СК РФ целесообразно зафиксировать понятие о конструкции фиктивности в семейно-правовой сфере, возможно, с дефиницией очевидных для практики ее разновидностей и открытым перечнем; в соответствующих главах особенной части – дифференцировать правовые последствия фиктивного акта конкретного вида и другие необходимые специальные правила. Юридически безразличное отношение к подобному рода правонарушением, – пишут указанные авторы, – не должно быть устойчивой традицией российского законодателя, хотя история и современное состояние проблемы, к сожалению, пока демонстрируют нам обратное»¹⁴.

Позволим себе не согласиться с такой позицией, поскольку, как уже отмечалось, любое действие или бездействие, совершаемое в рамках семейных правоотношений, может обладать признаками фиктивности, отражающими факт злоупотребления субъектами своими частными интересами. В связи с этим предусмотреть в так называемой Особенной части СК РФ конкретные правонарушения невозможно и нецелесообразно.

¹⁴ Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. О фиктивности в семейно-правовой сфере // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6. С. 78 – 84.

На наш взгляд, любые фактические отношения, возникающие в рамках семейных отношений, по сути своей являются фиктивными, поскольку ничто не мешает соответствующим участникам соотносить свои интересы с публично-правовыми установлениями. Однако превалирование частных интересов приводит к злоупотреблению ими, попытке противостояния предписаниям законодателя и, как следствие, лишению возможности приобретения семейных прав.

Участники же некоторых фактических отношений, движимые порочным интересом, приобретают статус субъектов семейных правоотношений, например, заключив фиктивный брак. До того момента, пока суд не признает такой брак недействительным, на фактически фиктивные отношения распространяется семейно-правовой режим. С другой стороны, отдельные фиктивные отношения приобретают характер правовых вследствие реализации соответствующего интереса участников.

Вышеизложенное позволяет предложить авторский взгляд на фактические и фиктивные семейно-правовые состояния:

- любые фактические отношения, возникающие среди участников социальной группы, позиционируемой как семья, есть не что иное как результат злоупотребления этими участниками своими интересами в противовес публичным интересам. Частные интересы направлены на достижение иных целей, нежели создание семьи, потому являются фиктивными;

- интересы участников уже существующих семейных правоотношений определяют фиктивность последних, если при осуществлении семейных прав и совершении семейно-правовых актов имеет место злоупотребление интересом.

Список литературы

1. Альбиков И.Р. Общие положения правового регулирования совместной собственности супругов // Семейное и жилищное право. 2012. № 3. С. 3 – 7.

2. Ильина О.Ю. Актуальные предпосылки возобновления дискуссии о понятии и признаках семьи как правового института // Евразийский юридический журнал. 2009. № 11. С. 77 – 81.

3. Морозова О.А. Правовые проблемы фактических брачных отношений в России // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 56. С. 54 – 59.

4. Романова Н.А. Фактический брак: юридическая сторона вопроса // Мир науки. 2014. Выпуск 2. С. 17 – 21.

5. Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. О фиктивности в семейно-правовой сфере // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2015. № 6. С. 78 – 84.

6. Филимонова И.В. Фиктивный брак как разновидность фиктивного семейно-правового состояния: проблемы законодательного регулирования // *Современные научные исследования и инновации*. 2014. № 3 (43). С. 84 – 91.

7. Шипика Л.В. Фактические брачно-семейные отношения: имущественные плюсы и минусы // *Актуальные вопросы современной науки*. 2014. № 1. С. 215 – 220.

8. Яковлев В.А., Елшанский С.П. Некоторые личностные особенности супругов, находящихся в фактическом и официально зарегистрированном браках // *Современные научные исследования и инновации*. 2015. № 2 - 4 (46). С. 152 – 156.

INTEREST AS A PREREQUISITE FOR THE EMERGENCE OF FICTITIOUS FAMILY FORTUNES

O. N. Zamriy

Tver State University

The article analyzes some fictitious and actual family relationships in terms of compliance with the objectives of family and legal regulation. Abuse of interest is regarded as a prerequisite for the commission of certain fictitious family-legal acts. Formulated and substantiated conclusion about the value of the interest of participants of family relations in the selection of actual and fictitious forms of relations and perspectives of legal regulation.

Keywords: *family law; interest; abuse interest.*

Об авторе

ЗАМРИЙ Олег Николаевич – канд. юр. наук, доцент кафедры гражданского процесса и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: Zamriy.ON@tversu.ru

ZAMRIY Oleg - PhD, assistant professor of civil procedure and law enforcement FBGOU VPO "Tver State University" (170100, Tver, ul. Zhelyabova, d. 33), e-mail: Zamriy.ON@tversu.ru

Замрий О.Н. Интерес как предпосылка возникновения фиктивных семейных состояний // *Вестник ТвГУ. Серия: Право*. 2016. № 3. С. 58 – 68.